

С точки зрения обвинения: ДЕЛЕЦ И ЦИНИК, РАСЧЕТЛИВЫЙ И КОВАРНЫЙ. В феврале 1985 года в Театр имени М. Н. Ермоловой пришел новый главный режиссер Валерий Фокин. Он не был «назначен сверху», театр сам пригласил молодого и, как тогда думалось, перспективного режиссера из «Современника», дабы он вывел театр на новый виток творческого пути, сделал еще более достойным своего имени (почти цитирую письмо артистов — противников Фокина, посланное ими в разные инстанции и газеты — Ю. Г.).

Первый же спектакль Фокина «Говори...» (по «Районным будням» Валентины Овечкина) вызвал эйфорию у зрителей и критики. Еще больший успех был у «Спортивных сцен 1981 года». Главные роли играли пришедшие в театр вместе с Фокиным известные артисты Татьяна Догилева, Виктор Павлов, Олег Меньшиков и приглашенная на роль Татьяна Дороница. В дальнейшем подобное распределение ролей станет принципом.

С этого и начинаются обвинения. Основных, как увидим, пять.

Обвинение первое: стало очевидно, что режиссер пришел в театр, не любя его труппу, его традиции. Ермоловцы для него — люди второго сорта.

Обвинение второе: Фокин оказался творчески несостоятелен и корыстен. Вслед за громкими премьерами он поставил всего два спектакля: «Второй год свободы» и — на малой сцене — «Приглашение на казнь» по Набокову. В этом сезоне он сделал другую редакцию «Приглашения на казнь» — и все. Да и мыслимо ли? Секретарь СТД и т. д. и т. д....

Зато успел (обвинение третье) сорудить один спектакль в США и два в Японии. Поставил Вампилова, который не повредил бы и нам, «Бесноватую» (по «Идиоту» Достоевского). У себя в театре он ее все никак толком не начнет, а вот в Японии закончить силы и время нашел.

Наконец (для начала), обвинение четвертое: Фокин запускал в театре (сам или руками других режиссеров) только спектакли мрачные, вроде бы обнажающие язвы общества, а на деле унижающие человека, природа которого будто бы скверна, душа черна, помыслы убоги и развратны. Сплошь насилие, тюрьмы, падшие женщины. Кстати, и «Бесноватая» — не слишком ли странное название для спектакля по Достоевскому? (Оставим пока без комментариев. Не будем спешишь. Мы еще не подошли к главному конфликту и главной драке. У нас еще полным-полно действующих лиц.)

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ. Из выступления на собрании 14 марта 1990 г. «Вы, Валерий Владимирович, не лидер, а могли бы им стать, но не захотели». «Отчего в стране выясняют, кто русский, кто еврей? Оттого, что нечего есть. Отчего у нас склоны? Оттого, что нет репертуара».

«Приведены фамилии антеров, играющих главные роли. Это совершенно свой театр Фокина, который можно было открыть в другом месте. При таком подходе к делу не надо было брать эту труппу. Вас замечательно поздравил Смоков, поздравляем Валерия Владимировича с такой хорошей работой. Вот вы и относитесь ко всему здесь, как к кораблю, да еще старой, которую надо сменить, и совсем забыли со своими соратниками, что нам этот дом и наша семья дороги».

СВИДЕТЕЛИ ЗАЩИТЫ. Артист А. А.* Источники конфликта — в личных амбициях. Время идет, кто-то играет у Фокина мало, кто-то не то, что хочет... Кроме нескольких артистов (прежде всего Архангельская и Зайцев), это серьезная часть труппы, «Серые». Хотят, чтобы это был их театр. Я в Ермоловском давно, пришел мальчиком, таких дел на моих глазах не было. Грубость — признак творческой слабости. У нас больше хороших актеров, вот те и грубят.

* Подумав, я решил не называть конкретные фамилии. Зачем усиливать личную неприязнь? И так уже в театре было много, и какая-никакая кровь (из носовой полости), но все же пролилась.

Артист Б. Б. В театре не должно быть плюрализма. Должен быть хозяин, монарх. Если ОН ему не верят, ОН должен уйти — это однозначно. Идет тихая совдеповская возня: человек хочет сохранить свой кусок, но говорит о традициях, о духе. Марии Николаевны Ермоловой и о спасении театра, который якобы разрушают.

Из беседы с В. Фокиным

— Никуда не деться: на Проскурина, Догилеву, Якута, Гердта ходят, а на (фамилии актеров) не идут. Зато когда на худсоветы я говорю: давайте заплатим хорошую премию Догилевой и Проскурину, они все-таки тащат репертуар, мне отвечают: нет, всем дадим премию, хоть и по пять рублей. «Вы нам дайте роли — и на нас будут ходить...» Это чисто актерская психология. И ничего тут не сделать. Кажется, Вивьен сказал, что театр — это клиника.

С точки зрения обвинения: ОТЕЛЬ ВМЕСТО ТЕАТРА? Далее начинаются события, которые сжимают пружину интриги до предела. Вскоре по приходе Фокин предложил построить на базе ермоловского театрально-культурный центр. Прежний Моссовет согласился отселить организации, делящие с театром большой старый дом почти напротив Кремля, рядом с башней «Националя», и отдать театру здание для перестройки.

Предполагались три сцены (для ермоловцев, для «свободного театра» со «свободной труппой» и для театр-студии), видеоцентр с видеотеатром, театральные музеи, кафе, пресс-центр, библиотека и пр. Так вот. **Обвинение пятое и главное:** как утверждают противники Фокина, тайно, негласно, за их спиной идею центра полностью видоизменили. Почувств неадекватное, они стали «копать» (буквально!) На собрании один из них воскликнул: «Думаете, легко доставать каждый документ, каждую бумажку! Ведь это детективная история!» Да и Фокин скажет мне не без тайной иронии: «Они, между прочим, огромную энергетическую работу проделали! Потратили целый сезон...», долго копали — и докопались. Есть уже, оказывается, проект «градоостроительного-средовой концепции развития» культурного центра с планами на английский язык для инофирм, где будущий центр обозначен как «Hotel Ermolova», и там действительно все что угодно: «пятизвездочная» валютная гостиница, подземный автостоянка, казино, ночные бары, дискотека, магазины... Среди этого — три театральных зала. Владельцем должно стать совместное предприятие. «Это пока прикидки, это фантазия», — сказали артистам. Фокин потом и мне подтвердит: «Конечно же, это был эскиз. Неужели они думают, что кто-нибудь позволит просто так взять и переделывать здание на улице Горького? Надо пройти градоостроительный совет и т. д. — тысячу инстанций...» Артисты, однако, не поверили.

Так летом 1989-го в театре наметился окончательный раскол. Второй в Москве — после недавнего мхатовского. Когда-то слова «МХАТ 2-й» означали театр, теперь «МХАТ 2-й» — конфликт. Жди 3-го, 4-го, 5-го... Труппа поделилась почти ровно на двое. «За» Фокина — пополам «новые» и «старые» ермоловцы. «Против» — сплошь актеры из старой труппы.

Противники Фокина начали повсюду говорить, что в гостинич-

но-развлекательном комплексе, которым станет центр, они все будут не нужны, их вышвырнут на улицу. Страсти раскалялись. Интервью Фокина, в которых он повторял, что мечтает не о постоянной, а о контрактной труппе. «Лит. Россия», выступившая 30 марта с позиций артистов-противоборцов, думаю, точно выразила их точку зрения: «Труппа — всегда сложная семья. И в семью, чтобы держать ее здоровой телом и духом, главе семьи нужно много отдавать... Этого-то Фокину как раз и не нужно. Он не строит театр-дом... направленности на коммерческий спрос неумолимо превращает и режиссера Фокина в режиссера-потребителя. Проще взять «готового» артиста с именем, а вместо капризной труппы-семьи сработать конвейер звезд».

«Ермоловцы» (назовем так условно противников Фокина, пусть кавычки никого не обижают) обеспокоились

Лит. газета. — 1990 — 9 мая — с. 7

ТЕАТР ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ, или БУДЬ НАД ФОКИНЫМ

«за свою сиротскую судьбу» и в октябре 89-го создали орган самоуправления — совет трудового коллектива. Не знаю, кто был на предвыборном собрании, но СТК и позже худсовет и профком оказались в их руках.

Власть взяла оппозиция.

Меж тем Фокин, насколько я понимаю, продолжал настойчиво закреплять мысль, что центр уже формируется изнутри театра (года полтора-два, как взята под крыло известная студия А. Левинского), и открыл в ноябре театр-студию «Свободная сцена» со своим финансовым счетом, которую тоже возглавил как худрук (думаю, он мог при этом преследовать и еще одну цель — но о ней позже). За спектакль артисты получают по контракту: кто 50 рублей, кто 30. На «Свободную сцену» он перенес «Приглашение на казнь», как бы переставшее быть ермоловским спектаклем (хотя вход здесь же — из фойе за буфетом). «Ермоловцы» увидели в этом новое проявление наглости дельца (мне — в разговоре, но по писаному: «Свободная сцена» — свободная, видимо, от всего: от театра, в котором угнездилась, от обещаний, от ответственности, от морали, от совести!).

СТК потребовал у Фокина отчета. Прошли собрания, полные взаимных обид и неприязни. В конце концов рассерженный Фокин сказал, что кашка разбита, ее не склеить, и он теперь будет работать лишь с теми, кто за него, а остальные пусть думают, как им быть. Его сторонники, покинув собрание, образовали свои «альтернативные» худсовет и профком. Раскол проявил себя сразу и жестко. Фокин заменил в «Приглашении на казнь» пятерых артистов из группировки противников на своих, а летом спектакль

едет в Италию!.. Драма достигла кульминации.

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ. Из диалога с артистом В. В. и артисткой Г. Г.:

— Возможно ли примирение?

— Нет. Выясняется, что нет.

— Хорошо! Но ведь Фокин не уйдет из театра!

— Почему? Театр ему не нужен. Он не имеет права им руководить. Делайте театр, но не здесь. Оставьте театр!

— У вас есть лидер?

— Мы собираемся приглашать режиссера «на постановку». Сезон присмотримся. А там, возможно, и позвем кого-то из режиссеров главным.

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из резолюции собрания коллектива Театра имени М. Н. Ермоловой (противников Фокина. — Ю. Г.) от 19 марта. «Собрание пришло к выводу, что деятельность В. В. Фокина

несовместима с его положением как художественного руководителя — директора театра... и выражает ему вотум недоверия (единогласно)».

Из беседы с В. Фокиным

— Во всем, что касается центра, — ажиотаж, маниакальность. Люди не слышат друг друга. Не слышат, например, что основа центра — театр. Что придумана вся идея центра, чтобы прежде всего провести реконструкцию здания, которое падает, держится только за счет стен. Альтернативы нет. Здание летом закроют из-за аварийности (в дни, когда я собирал материал, театр был закрыт строительной комиссией, но потом вновь временно открыт до лета. — Ю. Г.), а нам 10—15 лет скитаться по клубам. Мы стояли в плане ремонта на 90-й год, потом на 93-й, теперь нас перекинули в 95-й. Сколько лет закрыт без движения филиал МХАТа? У города нет ни денег, ни рабочей силы. Короче, город получает центр, причем бесплатно, не вложив ни копейки, а ермоловскому театру сохраняется жизнь. Отель и совместное предприятие дадут театру и культурному центру экономическую базу, позволят существовать при любых ухудшениях экономической ситуации.

Размежевание? Наверное, благо. Я бы разделился. Хотите жить по любви? По любви так по любви. Я доволен, что более тридцати артистов хотят работать со мной, а я хочу с ними... Молчу уж о том, что театры должны не только рождаться, но и умирать. Театр — это люди, которые в нем сегодня работают хорошо, а завтра провалились, разошлись. Живой процесс!

Выписка из протокола № 1 собрания части труппы от 23 марта: «При-

знать реальностью происшедший раскол в труппе и коллективе, поддерживать позицию художественного руководителя — директора театра В. Фокина, поддержать идею о создании на базе ермоловского театра Московского театрально-культурного центра».

С точки зрения «адвоката»: ТИПИЧНЫЙ КОНФЛИКТ. Когда я влез в этот спор и, пытаясь найти истину, выслушал почти всех, кто имел к нему причастность, то сначала запутался. Я вспоминал разговоры с ермоловцами, и мне было их жаль (не сомневаюсь, что слухи об их поголовной бездарности сильно преувеличены). Они правы! Но прокручивал запись беседы с Фокиным — и убеждался, что прав, безусловно, он. В то же время и в их, и в его поступках многое вызывало досаду. Если бы за пять лет Фокин создал полноценный, престижный ТЕАТР ФОКИНА, если бы не темнил с центром... Если бы, с другой стороны, ермоловцы были терпимее, не придумали бы СТК (СТК в театре, конечно же, дикость!), не «пили» бы Фокину политику (обвинение в «чернухе» звучит в их устах как обвинение политическое)...

То что? Был бы мир?

В какой-то миг захотелось плюнуть: пусть сами разбираются в своей склоке! В конце концов их дело...

Но тут... Вдруг пришла мысль...

Господа... То есть товарищи! Мы ничего не поймем в этой истории, если не отделим поступки от их последующих оценок противоположной стороной. Мы ничего не поймем в поступках Фокина — а разобраться надо прежде всего в них. Там — ключ.

Я плохо знаю своего подзащитного как человека. Может быть, как утверждают, он и эгоист (но где вы встречали режиссера не эгоиста?), может быть, он действительно слишком жесток к актерам. Но как бы то ни было, я глубоко убежден, что мотивы его действий были отнюдь не эгоистичными и не меркантильными. У него не было иного выхода. Стоял вопрос о выживании.

Фокин — режиссер очень волевой (волевой еще и по своим эстетическим устремлениям; посмотрите «Приглашение на казнь» — видны прежде всего его позиция, его мироощущение), пришел в труппу... да что мы все играем в игры... в труппу, половина которой ему была ни к чему. Ситуация нормальная.

Но это полдела. Он тоже не был нужен труппе, приспособлен к своему театру и своему городу не только корнями, но и привычками, квартирами, зарплатами, запутанной иерархией внутренних взаимосвязей, куда нелегко выписаться чужаку. Такой труппе нужен режиссер при них. Одновременно талантливый и безволеный (что абсурд), выбирающий хорошие классические пьесы независимо от того, пойдут ли на них зрители, дающий «кому положено» главные роли, внимательный — даже к капризам.

Обычно волевой режиссер, попав в подобную ситуацию, пытается взять труппу в кулак и кого-то выгнать, а потом формирует «труппу в труппе», «театр в театре», занимая лишь тех актеров, какие ему необходимы. Обычно какое-то время старая труппа и новый режиссер живут мирно, а потом труппа его тщательно пережевывает и съедает, обвиняя за едой в безнравственности и бездарности.

Фокин не стал «подчинять себе» театр. Он начал театр не строить, а перестраивать (все аллюзии по пово-

ду сложности, которые могут прийти вам сейчас на ум, законы и логики). Он (это лично моя версия) оказался едва ли не первым у нас государственным режиссером, который, получив под ответственность государственный театр, твердо решил сделать театр нового типа (в смысле творчества, а не денег), превратить его в тот театр, какой ему нужен. В этом замысле Фокин был тверд и последователен. Пригласил в театр «звезд» (да с некоторыми не сложилось) и задумал центр (слава Богу, что хоть в ком-то прорезался продюсерский азарт. А отель рядом?... Что ж, раз бедны, будем содержать театр за счет отеля). В центре, напомню, планировались разные сцены — для ермоловцев и для свободной контрактной труппы. Фокин был бы не умен, если бы не держал в тайниках сознания, что на крайний случай на ермоловской сцене останутся те, без кого он с радостью обойдется, а «свободная труппа» и станет тем своим театром, о котором мечтается. В октябре возник СТК: объективно — шаг к расколу. Открытие в ноябре «Свободной сцены» довершало раскол. Фокин, сознательно или нет, не дожидаясь ни центра, ни разрешений сверху, уже сейчас создал почти тот «свой театр», какой ему и нужен — на зависть другим государственным режиссерам.

(Почему я, кстати, и убежден, что большинство режиссеров, узнав об этом конфликте, будут за него, большинство артистов — против.)

Короче, я вас вот к чему веду. Конфликт возник не потому, что режиссер и артисты совершили некие неправильные или необдуманно-оскорбительные действия и наговорили друг другу обидных слов. И действия, и порожденные ими слова могли быть иными — ничего бы не изменилось.

Конфликт возник оттого, что новому режиссеру и старой труппе с самого начала было неудобно друг с другом. Они, правда, не сразу об этом догадались. Почему они категорически не хотят мириться? Потому что незначим.

Это не конфликт бездари с жаждущими откровений артистами и не конфликт гения с беспорядочно ничтожной труппой. Это конфликт нормального лидера, втиснутого в жесткую структуру государственного театра, с нормальной государственной труппой. Это всего ничего: это кризис нашей государственной театральной системы. Система устроена так, что война фактически неизбежна. Война на уничтожение. Или труппа режиссера. Или он труппу. Поэтому я не защищаю артистов от режиссера и режиссера от артистов. Я защищаю их вместе от сложившейся в театре государственной системы. Рынок в искусстве может, еще и похуже. Но и система пока плоха.

Не хочу предлагать рецепты. Да, хорошо бы побольше контрактных трупп (переводить на контракт режиссера, дабы он всех артистов распустил и набрал заново по потребности). Но нужны и постоянные. Ермоловский театр, кстати, мог бы стать местом любопытного эксперимента. Рядом — при честном разделении — контрактная труппа западного типа и постоянная. Чья возьмет? Это не то же, что раздел МХАТа. Там ничего толком не изменилось: был один государственный театр, а стало два.

Мог бы... Да, выйдет ли? Пакость театральной войны не только в том, что она на уничтожение. Она еще и без мирных договоров.

Фокин хочет перестроить театр. Ермоловцы не хотят.

Типичный конфликт. Типичный, ибо и не делиться — лется кровь. И делиться — по живому, кто-то будет ущемлен непременно. Мини-прибалтийская ситуация, с той лишь разницей, что это не национальные, а творческие чаяния и амбиции. Типичный конфликт, ибо нельзя точно сказать, что вот — одни негодяи, а другие правы. Но все постепенно доходит до ненависти, а выхода почти нет.